

УДК 821.161

МЕТАФОРА ПУСТОТЫ В ПОЭМЕ Н.В. ГОГОЛЯ «МЁРТВЫЕ ДУШИ»

© 2010 В.В. Инютин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 9 октября 2010 года

Аннотация: В данной работе исследуются приёмы и средства комического изображения в поэме Н. Гоголя «Мёртвые души». Выделяются основные комические мотивы миражности и абсурда в образах героев.

Ключевые слова: комическое, Н. Гоголь, поэма, композиция, жанр, Чичиков.

Abstract: Methods and means of creating comism in the poem of N. Gogol «The dead soules» are studied. Motives of mirage and absurd in the characters are studied.

Key words: the comic, N. Gogol, poet, composition, genre, Chichikov.

Комическим не исчерпывается художественная природа «Мёртвых душ». Она значительно более многосложна, и эта многосложность задана своеобразным авторским восприятием жанрового термина «поэма» [1, 3]. Н. Гоголю важен в нём смысл соединения противоположных начал: эпоса и лирики, путевых заметок и романа, пафоса и сатиры. В конечном счёте – одновременно и позитивной, и негативной оценки объекта изображения. Причина – в самом этом объекте художественного осмысления. Это не государство и общество, как в «Ревизоре», а страна («Русь»), народ, и самое главное – душа человека.

Комический план изображения строится как постепенное нарастание негативных свойств явлений и персонажей. Трудно согласиться с Ю.В. Манном, предложившим иной алгоритм развития комического: исследователь основывался, по преимуществу, на внетекстовых аргументах, прежде всего – на творческих замыслах самого Н. Гоголя, хотя замысел и реализация – не одно и то же [2, 267-366].

Но уже в самом начале повествования комическое переплетено с обобщённо-философским. Точнее, в философском, по сути, диалоге двух мужиков о движении и

колесе заложена потенциальная возможность размышлений о позитивных слагаемых реальности народа и страны. А комическое, на первый взгляд, выглядит обыденно мелким: облик Чичикова, облик города NN, масса бытовых подробностей [1, 7-12].

В дальнейшем движение материала вроде бы должно идти по пути нарастания всё большей очевидности внешних черт комического. Но процесс развития комического более сложен. Внешние комические черты всё менее эффективны, они оказываются вовсе невзрачными, тусклыми в главе о Плюшкине. Зато нарастает, всё отчётливее обнаруживается сущность комического образа мира, заключённая в нём с самого начала.

Исследователями давно отмечен особый способ изображения внешности Чичикова в первой главе поэмы: это не фиксация тех или иных черт, но отрицание этих черт: он не тонок, не молод, не стар и т. д. Многократно повторённая фигура отрицания сводит этот облик к предельной неопределённости, даже неопределимости, к пустоте, а значит, к иллюзорности. Эти два свойства, пустота и иллюзорность, потом проступают в остальных комических героях.

Манилов внешне колоритен, даже не без вычурности. Его мировосприятие вроде бы не

лишено позитивных черт: любит жену, детей, доверчив, добр, вежлив. Но всё в нём переходит разумные пределы, превращаясь в абсурдную противоположность, и, следовательно, предстаёт как некая опустошенность, видимость. И, соответственно, его представления о мире призрачны, маниакальны. Это пустая душа [1, 24-41].

Коробочка внешне не выразительна, одиночна. Однако у неё на столе многочисленные изошрённые кушанья, символика еды создаёт эффектный облик её мира (наряду с бесчисленными предметами в её комод). Это всё же не жизненная сила и мощь, но нечто рассыпавшееся на бытовые мелочи, превратившееся в пустоту. Мир Коробочки даже обладает особым пространственным свойством: её дворовая девка не знает, где «лево» и «право». Этот мир настолько узок, мал, пространство настолько сжато, что исчезают его основные природные измерения. Но именно предельная сжатость этого мира создаёт иллюзию, фантом сознания героини, т. е. её маниакальное желание продать каждому пеньку, сало и т.д. [1, 45-63].

Как известно, Н. Гоголь любил мнимую внешнюю антонимию героев при полной внутренней их схожести. Ноздрёв вроде бы живёт в безграничном мире: всё, что не видишь по эту сторону, всё это моё, и даже по ту сторону, весь этот лес, которой вон синее, и всё, что за лесом, всё моё [1, 77]. Он знаком со всеми и все его знают. Он игрок, он бесшабашен и безудержен. Однако Ноздрёв – «исторический человек», то есть с ним беспрестанно происходят неприятные истории, его отношения с остальным человечеством – нескончаемый конфликт. Непреодолима конфликтность Ноздрёва – его «коробочка». И причина, и результат, и знак замкнутости мира Ноздрёва, опустошённости его души. А неудержимое враньё – вариант иллюзорности, призрачности его представлений о реальности (он сам верит в это враньё).

Опустошённое и маниакально устремленное душевное существование героя ещё и крайне агрессивно, опасно для окружающих. Следующий мнимо контрастный композиционный поворот в поэме – сцены с Собакевичем. Собакевич представляется донельзя солидным, несокрушимо-стабильным, он сметлив, практичен (единственный сразу понял аферу Чичикова). Но даже внешняя основательность мира Собакевича в самом деле кажущаяся: причудливый, перекошенный, деформированный облик его дома. Всё огромно, увесисто, но это просто крупных размеров коробка, ящик, неотвратно замкнутое пространство. Он ненавидит всё и всех, тяжкий мизантроп. Это одна

из «звериных» его примет, помимо нечеловеческого обжорства, медвежьей неуклюжести и других общеизвестных черт озверения (и опустошения) души Собакевича. Но превращение в зверя – только часть драмы души героя. Процесс зашёл значительно дальше. Знаменитая монументальная мебель в доме Собакевича не просто норовит быть похожей на хозяина, она хочет стать им: «Каждый предмет... казалось, говорил: «И я тоже Собакевич!» [1, 100]. Неживое стремится слиться с живым. Душа окончательно вытесняется из героя. Впрочем, он изначально создавался природой не как человек, а как деревянный истукан.

При этом у Собакевича есть своя мания: здраво понимая, о каких душах ведёт речь Чичиков, он заламывает за них цену, как за живых людей, его требования бредовые – сто рублей.

Плюшкин – метафора окончательного исчезновения души в человеке. В его доме никто не живёт, свойства жилища одной из комнат дискредитированы грудой вещей, которых в действительности нет (часы без стрелок и т. д.). Трудно определить пол героя. В его доме сосуд с мертвой водой («ликёрчик»), мёртвая еда. Чичиков и читатель сталкиваются с призраком, с абсолютной пустотой вместо человека. Это «прореха», дыра, пустота в человечестве.

Конечно, можно отметить нечто человеческое во взгляде Плюшкина, вспомнившего молодость. Вероятно, Н. Гоголь оставлял себе возможность видоизменить душу героя, ему очень этого хотелось. Только вышло, на наш взгляд, другое: это деталь усугубила, увеличила образ пустоты душевного мира Плюшкина. Как и рассказ о его судьбе.

В поэме Н. Гоголь наделяет историей жизни двух героев – Плюшкина и Чичикова. И в обоих случаях функция жизнеописания сходная: повествовать о неотвратимом отчуждении персонажей от самого близкого и дорогого человеку в его нравственной жизни. Это уже не убогое незнание Коробочкой своих соседей, это отказ от своих родных, своих детей и т. д. Как результат – доминирующие и торжествующие в их внутреннем мире маниакальная жадность, алчность. Мания Чичикова, точнее, вполне примитивное устремление – «копейка» (у него есть и собственная коробочка – шкатулка).

Причина гибели, вытеснения души из человека – не социальный статус героев, а их отчуждённость от ценностей национальной жизни, от ценностей европейской цивилизации, от нравственных ценностей человечества.

И в свою очередь, опустошенные герои, пустота вместо героя – глубинная основа комического в поэме. Эта пустота приходит в

предельное противоречие с детализированным правдоподобием внешнего облика персонажей и реальности. Абсурд, возникающая в результате подобного рода несовместимость образуют гротескный характер изображения. «Мёртвые души» — грандиозный, «нефантастический» гротеск мира и человека.

Но в поэме Н. Гоголя парадоксальным образом гротеск сопрягается с патетикой по-

зитивных начал народа и личности, создавая масштабную, многосложную картину мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоголь Н.В. Мёртвые души / Н.В. Гоголь // Собр. соч. : В 6 т. — Т. 5. — М., 1959.

2. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя / Ю.В. Манн. — М., 1988.

Инютин В.В.
Воронежский государственный университет.
Доцент кафедры русской литературы.
e-mail: inutin@inbox.ru

Inutin V.V.
Voronezh State Universitet.
Assistant professor of the department of Russian literature.